

«Театральным деятелем я становиться не собираюсь»

Иван Вырыпаев о себе и новой драме

Калининград - 2003. - 18 сент. - с. 2

фестиваль театр

Сегодня в Москве открывается театральный фестиваль «Новая драма», название которого говорит само за себя. Фаворитом российской конкурсной программы выглядит спектакль «Кислород», ставший одним из главных событий прошлого московского сезона („Ъ“ писал о нем 6 декабря 2002 года). Перед началом фестиваля автор «Кислорода» **ИВАН ВЫРЫПАЕВ** ответил на вопросы **РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО**.

— Как по-вашему, что такое «новая драма»? Ясно же, что не просто пьесы, которые написаны живыми драматургами.

— Мне кажется, что ее так назвали, потому что не нашли других слов. Ведь понятие «новая драма» принадлежит истории, так называлась драматургия прошлого рубежа веков. Теперь опять ввели этот термин, чтобы он просто привлекал внимание. Насколько новая «новая драма» продвигает и расширяет возможности театра, пока сказать трудно. Должно пройти время. Может, я просто недалечковиден, но пока среди всех новых пьес, прекрасных и блистательных, я не нашел равного Чехову или Стриндбергу. Просто темы новые, современные.

— Наверное, дело еще и в новом поколении авторов, с которым связано это понятие. Вы чувствуете себя «этой силой частицей» или нет?

— Я принадлежу к «Театр.doc», где сделан спектакль. Что касается каких-то общих задач или ощущений, то за работой я об этом совсем не думаю. Каждый должен отвечать за себя.

— Но связи с предыдущими поколениями для вас важны? Вы же написали современное продолжение знаменитой пьесы Михаила Рошина «Валентин и Валентина»?

другая жизнь. Там у меня нет работы. Я не приезжал покорять Москву, я приехал только потому, что негде было жить. Вообще, я люблю город. Здесь много суеты, но по-другому нельзя. Я не люблю природу. Писать лучше не умею и не буду.

— Вы, когда играете в «Кислороде», чувствуете себя автором или забываете об этом и остаетесь только актером?

— Чувствую только в отношении своей, мужской части текста. Я не режиссер спектакля и не должен следить за целым. Вообще, там главное не смысл, а звучание. Пьеса — это самый короткий способ превратить написанное тобой в звук.

— «Кислород» смотрится как сильное лирическое высказывание. Насколько текст автобиографичен?

— Многие думают, что пьеса про любовь мужчины и женщины. Это не так, она про взаимоотношения мужского и женского. Там выведен современный герой, умный и со своими слабостями, который пробует наркотики, ходит в клуб — я попытался сделать его максимально объективным. Но это не я. Я при всей своей экстравертности человек консервативный. И я не герой, я сам, наверное, скучноватый и неинтересный. Если про меня делать фильм или спектакль, то случится провал.

— Спектакль сделан в форме декалога, и каждая из композиций посвящена одной из заповедей. Это позволяет мне задать деликатный вопрос, который вообще-то задавать неприлично, — о ваших взаимоотношениях с религией?

— Они просты и сложны одновременно. Я не религиозный человек и в церковь не хожу. Я чувствую, что в природе есть что-то еще, кроме моего мозга. Готов признать, что это «что-то» определяет мою жизнь. И

Иван Вырыпаев не чувствует связи с театральным миром.

Свои спектакли он ставит в клубах ФОТО АЛЕКСАНДРА МИРИДОНОВА

— Не продолжение, а размышление на тему. Кирилл Серебренников хотел сделать такой спектакль, чтобы история была очень семейно-традиционная, а с другой стороны — современная. У нас не получилось совместной работы, но пьесу «Валентинов день» я написал, сейчас ее ставит другой режиссер. Она, к сожалению, постмодернистская, а я это не очень люблю...

— А вы знаете, что это значит?

— Может быть, ничего не значит. Там много построено на подмене слов, подмене понятий. Но пьеса трогательная.

— Сейчас, по-моему, и слово «пьеса» отмирает. Все пишут тексты, а не пьесы. «Кислород» ведь тоже «текст»?

— Да. Когда я писал «Кислород», я хотел создать не пьесу, а спектакль. У меня пока всего четыре пьесы, одна из которых мне не нравится, так что можно считать, что три. И каждая из них заранее придумывалась как конкретный спектакль. Но теперь они вдруг стали жить своей и отдельной от меня жизнью, их ставят за границей, режиссеры что-то меняют, мне это очень интересно. «Кислород» — это просто текст для игры. Если он кому-то еще интересен, значит, просто повезло.

— Вы начинали в Иркутске, потом перебрались в Москву. Евгений Гришковец вот принципиально не переезжает из Калининграда в столицу. Вам не нужно, как ему, домашнее место в провинции для уединения и отдыха?

— Я два года вообще не был в родном Иркутске. Там совсем

критические минуты я, конечно, обращаюсь к высшей силе. Когда мы летом пытались снять фильм по «Кислороду», я вдруг обнаружил, что там два персонажа и еще одно нечто, диджей, дух, то есть это троица.

— Вы появились как-то неожиданно и сразу оказались в центре внимания. Как-то соотносите себя с театральной практикой? Собираетесь встраиваться в процесс?

— Раз висит афиша, а я продаю билеты и играю для зрителей, значит, я уже участвую в процессе. Мне кажется, все определяется не течениями и движениями, но конкретными спектаклями. Мне не очень интересно встраиваться в театральную жизнь. В мире много всего интересного. Так что «театральным деятелем» я становиться не собираюсь.

— Я именно это и ожидал услышать. Есть ощущение, что многие молодые «деятели» просто реализуют в театре свою активность и чувство времени, но не то чтобы чувствуют свое предназначение именно для сцены. Как будто именно в театре сейчас можно выразить некое чувство современной жизни. Театр не есть ваша судьба.

— Это действительно так. Может быть, к сожалению. Если бы я умел писать музыку, то писал бы, но я не умею. И совсем не умею писать стихи. Пробовал несколько раз. Но ведь хуже плохой поэзии нет ничего на свете. А потребность поделиться собственным опытом есть, поэтому творческие люди вываливают все это из себя.